

НАС ДЕМОКРАТЫ-ВОЛКОДАВЫ БЕЗ СОЖАЛЕНЬЯ РАЗОРВУТ...

Честно говоря, я испытал истинное потрясение от стихов поэта из Усть-Кута Вадима Ярцева. За долгие годы наших писательских поездок, командировок на Байкало-Амурскую магистраль, а они зачастую начинались в Усть-Куте, и особенно тогда, когда на БАМе стали праздновать пушкинский день рождения, мы ездили туда фактически каждый год. Да и раньше, до этих праздников, иркутские и столичные писатели часто навевывались в Усть-Кут и дальше него – по Лене-реке, – вплоть до притоков Алдана и Вилюя и даже до самого Якутска. Так вот, ни один из поэтов или поэтесс Усть-Кута, Якурима, Звёздного, Магистрального, Нии, Улькана ни разу не удивил меня своими поэтическими открытиями. Да, были некоторые авторы, некие имена, которых теперь уж и не вспомню, и можно было прочесть одно-два сносных стихотворения...

Только вот совсем недавно появились поэты, о которых можно сказать добрые слова, – это Сергей Желтиков и Елена Попова, но Вадим Ярцев – выше всяких похвал. Его поэзия не просто ударяет по сердцу, она бьёт наотмашь и по чувствам, и по нервам, она так правдива, так точна и горька по внутренней боли, собственно, даже и не боли, а какой-то неотвратимой безысходности, которая не проходит сразу, а ещё долго сидит в тебе острой занозой. Так было со мною, когда я впервые прочитал рассказы Валентина Распутина “В ту же землю” и “Нежданно-негаданно”. После этих рассказов я просто заболел и дня три ходил разбитый и опустошённый. Подобное произошло со мной когда я прочитал книгу Вадима Ярцева “И всё же несколько минут я был свободен”.

Это то самое, о чём писал критик Валерий Дымшиц, говоря о великом английском поэте Киплинге: “Каждая строчка, написанная Киплингом, – замечательный документ своего времени, памятник философии, истории, политики, языка определённой эпохи. Киплинг был необыкновенно злободневен, в нём поэт счастливо уживался с репортёром”. И далее: “В Киплинге нас завораживает не новизна, а узнавание, мгновенный резонанс первых, самых простых, но и самых главных струн человеческой души, общих и “простецам”, и искушённым ценителям...”

Точно так же и Вадим Ярцев узнаваем в своих порою злых, порою пламенных и яростных обличительных стихах. Он и вправду, как Киплинг, не завораживает новизной, а прибавляет к стене растлителей и расхитителей России своими гвоздями-строчками. Не жалеет он и нас, действительно смирившихся с нуворишами и врагами Отечества:

К чему все эти споры,
Разброд в хмельных умах?
Вы — не простые воры,
У вас иной размах.

Вы более опасны,
Сказать не преминут:
Они — ломают кассы,
Вы — грабите страну.

Вы — славная команда,
Ребята хоть куда:
Российскую громаду
Скрутили без труда.

И смотрит, рот разинув,
В крови от ваших дел,
Дремучая Россия
На этот беспредел.

Тяните наши жилы
И втапывайте в грязь —
Мы это заслужили,
Перед судьбой смирься.

Лишайте нас зарплаты,
Пинайте, как собак, —
Мы сами виноваты,
Что всё выходит так.

Учите нас, что делать,
Держите в кулаке,
Своих холёных девок
Купайте в молоке.

И всё-таки, орлята,
Вас не спасёт ОМОН,
Наступит день расплаты —
Не за горами он.

Хлестнёт в окно Октябрь —
И дай вам Бог тогда
Покаяться хотя бы
До Страшного Суда...

“Предостережение”

В 1992 году Евгений Евтушенко написал стихи “Прощание с красным флагом”, где долго, длинно описывает это прощание с бесконечной своей назидательностью и пространными объяснениями всем известной русской истории на сломе эпох:

Прощай, наш красный флаг...
С Кремля ты сполз не так,
как поднимался ты —
пробито, гордо, ловко
под наше “так-растак”
на тлеющий рейхстаг,
хотя шла и тогда
вокруг древка мухлёвка.
Прощай, наш красный флаг...

Ты был нам брат и враг.
Ты был дружкой в окопе,
надеждой всей Европе,
но красной ширмой ты
загородил ГУЛАГ
и стольких бедолаг
в тюремной драной робе.

И так далее, и тому подобное. А вот концовка стихотворения:

Лежит наш красный флаг
в Измайлове врасяг.
За доллары его
толкают наудачу.
Я “Зимнего” не брал.
Не штурмовал рейхстаг.
Я — не из “коммуняк”.
Но глажу флаг и плачу.

(Выделено мной. — В. С.)

“Не верю!” — воскликнул бы великий Станиславский. Не верю и я слезливости Евтушенко, потому что плачет он искусственными слезами, да и не по-мужски это — плакать на глазах у американской общественности.

Теперь для сравнения давайте прочитаем стихи Вадима Ярцева “Прощание с Союзом”:

Не с двушкой — затёртой и ржавой —
Прощаюсь с великой державой.

“Родопи” из куртки достану
И спичек у друга стрельну.
Оплакивать больше не стану
Пропашую эту страну.

Мы сами свободу глотали
К исходу суровой зимы.
Империю мы промотали,
Пропили Отечество мы.

Теперь ничего не исправить.
Былого назад не вернуть.
Империи — вечная память,
А нам — неприкаянный путь.

Держава отчаянных Ванек,
Как птица, подстрелена влёт.
Как будто огромный “Титаник”,
Отчизна уходит под лёд.

Советский по крови и плоти,
Я слёзы сглотнул и молчу.
Вы этой тоски не поймёте,
А я объяснять не хочу.

(Выделено мной. — В. С.)

Перед нами горькие, честные, мужские стихи, от которых хочется заплакать болющему за **свою** Родину читателю. Действительно, наивысшее достижение автора — это слёзы, душевный катарсис зрителя в театре или читателя над книгой. Такова сила настоящего Слова, настоящего Чувства, и его не заменить расхожими словами, суетливыми мыслями, навязчивым назиданием.

К величайшему нашему сожалению, в прошлом, 2012 году Вадима Ярце-

ва не стало. Он ушёл очень рано, в возрасте 45 лет. Видимо, не простой и не сладкой была его земная жизнь, что очень часто прочитывается в его поэзии:

Чтоб не видеть ваши лица,
Чтоб не слышать вашу речь,
В уголок хочу забиться,
Домовым скользнуть за печь.

Просто всё осточертело
За последние пять лет.
По земле гуляет тело,
А души в помине нет.

“Будет всё, как вы хотите...”

Душевная неустроенность и неудовлетворённость, может быть, собственной судьбой, боль за современную, равную Великой Отечественной войне трагедию, а с его отзывчивым, израненным сердцем, конечно же, понимание всего происходящего рядом с ним слишком явно терзали его:

Что не додумал светлый гений,
То было нами учтено.
Здесь на десяток преступлений —
Благодеение одно.

И я иду по пепелищу
И в облегчение души
Ободранным, гнусавым нищим
Швыряю медные гроши.

И всё никак не оборвётся
Судьбы натянутая нить...
И мне, пожалуй, остаётся
Лишь фарисействовать да пить.

А окружающие рады,
Что дело близится к концу...
Но здесь никто не скажет правды
С утра хмельному подлецу...

“Покаяние”

Да, дело близилось к концу... Как это ни печально. И всё-таки: поэт истинный, настоящий жил рядом с нами, скорбел об утраченной стране, о потерях вселенского масштаба, как мы теперь воспринимаем уничтожение нашей Великой Державы, пытался мир предостеречь от этих потерь, но всё случилось не лучшим образом для страны и для русского народа.

Когда-то московский критик Владимир Гусев писал: “Однажды в ответ на расхожую фразу: “Талант всегда пробьётся!” — я произнёс угрюмый афоризм: “Мы не знаем тех, которые не пробились...” И ведь какая удивительная истина заключена в этом афоризме! Говорим-то мы всегда о тех, кто пробился. А сколько ещё их на Руси — не пробившихся, не известных, не знаменитых, но замечательных поэтов, которые не дошли до издательств, чьи сборники не были поставлены на книжную полку, кто не дотянулся до своего читателя, так и уйдя в мир иной? Но стихи-то живы! *Рукописи не горят!* Так давайте воздадим должное русским талантам — живым или мёртвым! — хотя бы сегодня, пусть даже в такое гнусное, убогое, сатанинское время. И низкий поклон блистательному русскому поэту Вадиму Ярцеву!

Владимир СКИФ

ВАДИМ ЯРЦЕВ



НИКТО УЖЕ ТАК НЕ СПОЁТ

* * *

Меж нами нет чёткой границы.
Бог весть, что мы завтра найдём.
Мы, как перелётные птицы,
Кочуем и ночью и днём.

Свобода! И мы замираем
На этом лихом вираже.
И то, что нам кажется раем,
Назавтра приестся уже.

Спасибо за то, что любила,
Что так малодушно лгала,
За то, что меня отпустила,
За то, что обратно ждала.

Ах, как задыхалось и пело,
Чужое отринув враньё,
Шальное бездумное тело,
Весёлое тело моё.

Мелодией бредя весенней,
Мы пели всю ночь напролёт.
И нам улыбалось везенье...
Никто уже так не споёт.

За вечные эти минуты,
Уйдя в предрассветную тьму,
Кивну благодарно кому-то,
Да так и не вспомню — кому...

ВЕДЬМА

Не скажу, что был сильно привязан
К этой ведьме, хозяйке угла,
Что косила единственным глазом,
Не краснея, нахально врала.

Сигареты таскала втихушку,
Обещала мне срок и тюрьму,
И соседке шептала на ушко
То, что знать той совсем ни к чему.

Нет у ведьмы ни веры, ни цели.
Ей бы с лешим встречаться в лесу,
А она прозябает в райцентре,
Пропивает былую красу.

От неё воробьиною стаей
Разлетелись и дочки, и сын.
Лишь с портрета, прищурившись, Сталин
Иногда усмехнётся в усы.

В этой комнате тускло и сыро,
А под сталинским ликом в стекле —
Фотография младшего сына,
Что погиб на афганской земле...

ВСПОМИНАЯ ОКТЯБРЬ 93-го

Меня, как гайку, завернули.
Отсидеваясь у родни,
Я не пошёл под ваши пули
В те знаменательные дни.

Я — не статист в плохом спектакле.
Мне дела нет до остальных,
Наивно веривших не в танки,
А в Конституцию страны.

Уж эти мне идеалисты —
Лишь им и верить сгоряча
Красивым, выпренным и чистым
Демократическим речам.

Когда вся ваша камарилья
За власть боролась без стыда,
Вы многого наговорили —
И вам поверили тогда.

Меня, по счастью, не задело
Победы вашей торжество.
Я за словами видел дело
И исполнителей его.

Не новоявленных купчишек,
Не доморощенную шваль —
Сметённых залпами мальчишек
По-человечески мне жаль.

ОМОН расстреливал и грабил
Под чьё-то бодрое “Даёшь!”
В игру без выхода и правил
Ввязалась эта молодёжь.

Мальчишки, глупые, куда вы?
Какие бесы вас зовут?
Вас демократы-волкодавы
Без сожаленья разорвут!

Но закрутилась ахинея —
Не повернуть назад уже.
И что с того, что я хитрее?
Горчит осадок на душе.

Сплетённый властью крепкий узел
Я в эти дни не разрубил.
Я отсиделся. Сдался. Струсил.
Я сам себя перехитрил...

ПРОБУЖДЕНИЕ

С трудом в сознание приходя,
Глаза открою в темнотище.
Не помню, кто я сам, хотя
Как будто принц... А может, нищий?

А может, гость иных миров,
Посланец из небесной сини?
Вчера набрались — будь здоров!
Теперь лишь так и пьют в России.

Какой там гость — простая пьянь,
Как за окошком ветер, стонет.
Похмельному в такую рань
Идти к ларьку? Да нет, не стоит.

Я знал, что будет пыль столбом,
Друзья-приятели упьются,
И кто слабее — под столом.
А кто покрепче — мордой в блюдце.

И чья беда? И чья вина?
Нас била в зубы жизнь и гнула.
И та, что мне была верна,
Давным-давно рукой махнула.

А впрочем, что тут говорить?
Мы все идём к заветной цели.
Чертовски хочется курить,
Да только спички отсырели.

Сгорай от мутного стыда
И про себя тверди почаще:
“Оставь надежду всяк сюда
Входящий...”

ЗВЁЗДНЫЙ ОБМАН

Неудачник, пьяный горлопан,
Кто твоей никчёмности виной?
Человек на улице упал —
Не дошёл до дому из пивной.

Перебрал, конечно же, и вот —
Неуклюжий, грузный — рухнул в снег.
И на вечный звёздный хоровод
Улыбаясь, смотрит человек.

Дома — постаревшая жена
День-деньской за спицами сидит,
Ну, а здесь — покой и тишина,
И никто над ухом не зудит.

Тёща тянет песенку свою.
Выползла, гадюка, из норы.
Эту ядовитую змею
Не кусают даже комары.

Дома — короеды жрать хотят,
Как галчата, разевают рты.
Кто мог знать, что бату сократят,
Что дойдём до полной нищеты?

Жил ты жизнью полукочевой.
Пил, недосыпал, рычал, как пёс.
Ничего не будет, ничего —
Кроме бесконечности и звёзд.

Эту жизнь назад не повернуть.
Всё пройдет сто тысяч раз подряд —
Только не исчезнет Млечный Путь,
Только эти звёзды не сгорят.

Спит, чудак, и на ресницах — лёд.
Где теперь душа его парит?
По Большой Медведице идёт,
С вечностью негромко говорит:

— Опостылел ваш домашний гнёт.
Покидаю вас я навсегда...
Чудаку лукаво подмигнёт
Близкая до ужаса звезда.

* * *

Уходите, откуда пришли.
Лучше нет для вас рая,
Чем кусок обожжённой земли
Под названьем Израиль.

Заберите с собою детей,
Весь свой скарб и пожитки.
В царстве сонных тетерь
Очутились вы все по ошибке.

И эмоции тут ни при чём.
Сколь веревке ни виться,
Остающийся здесь обречён
Потихонечку спиться

Или просто погибнуть в Чечне
От удачного залпа
На бессмысленной этой войне
Не сегодня, так завтра.

Вспоминайте свои имена,
Заводите друзей по соседству.
Дай вам, Боже, всего. Это нам
Будет некуда деться.

Это я, легкомысленный “гой”,
Обозлённый и пьяный,
Остаюсь с этой вечной страной —
Кровоточащей раной.

Мать больную не бросишь одну.
Что бы вы про себя ни решили,
Уходите. Я вас не кляню.
Всё равно вы — чужие.

Вы здесь вряд ли нужны.
Обойдёмся без выпадов личных.
На руинах великой страны
Соберёмся без лишних.

* * *

Я так ничего и не понял
Из сбивчивых ваших рассказов.
Я мог бы свихнуться, наверно,
От ваших заумных шарад.

Я только всего и запомнил,
Что я вам ничем не обязан,
И, если сказать откровенно,
Конечно, я этому рад.

Какие обиды? Ну, что вы?!
К чему расставаться врагами?!
Я сам залетел к вам случайно
Спешащим на свет мотыльком.

Раздвиньте, пожалуйста, шторы.
Пусть будет по полной программе.
Махните рукой на прощанье,
Когда я пойду под хмельком.

Мы вместе когда-то учились,
Красивых девчонок любили,
Не путали белое с чёрным.
Судьба нас потом развела.

Что всё-таки с вами случилось?
Когда они вас ослепили?

Какую подачку ещё вам
С хозяйского кинут стола?

На ваши недетские игры
Смотрю с сожаленьем и болью.
Немало я сам повидал и,
Увы, утешать не речист.

И после четвёртой пол-литры
Вы зря мне твердите о Боге.
Не буду вдаваться в детали,
Но я перед Господом чист.

Привет, трубадуры режима,
С похмелья бомбящие Грозный,
По трупам идущие с маршем,
Забывшие совесть и стыд!

Вы пьёте почти одержимо.
Как спится вам ночью морозной?
У вас со Спасителем нашим
Большой разговор предстоит...

ЖАЖДА РЕВАНША

Война проиграна. Почти.
Народ поставлен на колени.
Ещё иные дурачки
Его зовут к сопротивленью,

Но всё давно предрешено.
Жизнь продолжается. На рынке
Торгуют водкой и пшеном
Неугомонные барыги.

Вокзал отмыт до белизны,
Садятся школьники за парты,
И щедро хлебом привозным
Нас наделяют оккупанты.

Хотя незримая беда
Не отошла, а где-то рядом,
Но входит в наши города
Забывтый ранее порядок.

Пускай в оборванных бомжей
Патруль стреляет, словно в стадо.
Зато не стало крыс и вшей,
Зато гораздо чище стало.

Зато по улицам ночным
Не бродят юноши с ножами.
С таким народом сволочным
Нельзя иначе. Горожане

Повеселели. Пьют коньяк.
Гуляют в парках. Ходят в бары...
Лишь в опустевших деревнях
По убиенным стонут бабы.

По не вернувшимся с войны.
По сыновьям, мужьям и братьям.
Обрезы прячут пацаны,
Чтоб было из чего стрелять им.

Деревне нужен хлыст и кнут.
Они добра не понимают.
Они пока что спины гнут
И шапки грязные снимают.

Но не извечный рабский страх,
А настороженная, злая
Таится ненависть в глазах,
Себя особо не скрывая.

Нет, здесь не будет мировой.
От оккупантов пахнет псиной.
Ещё посмотрим — кто кого.
Ещё померяемся силой.

НАЁМНИКИ

Как он шёл... Вспоминаю порой,
Как в дыму, подорвавшись, растаял.
Мой порядковый номер — второй.
Даже в смерти меня он обставил.

Мы учились с ним в школе одной,
В одинаковых жили бараках.
Он был больше, чем я, заводной.
Он был первым — и в играх, и в драках.

Одноклассницы липли к нему,
Как на сладкое, роем пчелиным.
Так навечно и сгинул в дыму,
Напорвшись на ржавую мину.

Даже здесь он был первым, чудак.
Все мы в землю когда-нибудь ляжем,
Но обидно погибнуть вот так,
Что не быть земле пухом лебяжьим.

Мой порядковый номер — второй.
Я-то выжил. Я, к счастью, не первый.
Сам себе я и кум, и король.
Сплю в обнимку с накрашенной стервой.

Я — второй. Я права не качал.
Я на смерть не вышагивал гордо...
Но приходит тоска по ночам,
Мёртвой хваткой вгрызается в горло...